

ALEC DRAKE

ПОПАДАНИЕ

★ 1941 ★

СПЕЦОТДЕЛ НКВД

ДЕЛО №001:
ПРЕДАТЕЛЬ В ШТАБЕ

Alec Drake

**Попаданец 1941. Спецотдел НКВД.
Дело 001: Предатель в штабе**

«Автор»

2026

Drake A.

Попаданец 1941. Спецотдел НКВД. Дело 001: Предатель в штабе /
A. Drake — «Автор», 2026

1941 год. Война только начинается, но кто-то уже играет на стороне врага. Я попал в прошлое и получил назначение в особый отдел НКВД. Моё первое дело — найти предателя в штабе, который передаёт немецкой разведке сведения о передвижении советских войск. Каждый день промедления стоит человеческих жизней. Под подозрением офицеры, связисты и даже те, кто должен защищать страну. Улики противоречат друг другу, свидетели исчезают, а враг словно заранее знает каждый наш шаг. Я знаю, чем может закончиться эта война. Но чтобы изменить ход истории, сначала нужно вычислить того, кто готовит удар изнутри. Дело 001 открыто. И охота уже началась.

Содержание

Пролог. Июнь 1941. Точка невозврата	5
Глава 1. Протокол №1	7
Глава 2. Особый отдел	10
Глава 3. Дело №001	13
Глава 4. Штаб. Первый контакт	16
Глава 5. Допрос с пристрастием	19
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Alec Drake

Попаданец 1941. Спецотдел НКВД. Дело 001: Предатель в штабе

Пролог. Июнь 1941. Точка невозврата

Москва, наши дни. 15:47 по московскому времени.

Сергей Кравцов не верил в судьбу. Он верил в факты, в логику, в холодный расчёт вероятностей. И именно поэтому, когда всё пошло не так, он до последней секунды пытался понять, где ошибся.

Он стоял у окна своего кабинета на восьмом этаже здания на Лубянке — том самом, где когда-то располагался НКВД, а теперь — архивные фонды и научный центр. Историк. Кандидат наук. Тридцать четыре года. Специализация — спецслужбы СССР в первые месяцы Великой Отечественной.

— Кравцов, ты опоздаешь на защиту! — крикнула из коридора Лариса, его ассистентка.

— Иду.

Он не пошёл. Он смотрел на папку, которую держал в руках. Дело №001. Тонкая, потрёпанная, с грифом «Совершенно секретно» и датой: «Начато 23 июня 1941 года. Окончено 4 июля 1941 года».

Двадцать лет он искал этот документ. Двадцать лет доказывал, что в первые дни войны в штабе Западного фронта действовал агент Абвера, который не просто передавал данные, а целенаправленно вёл дезинформацию. И вот — папка у него. Рассекреченная, но неполная. Не хватает последних страниц.

Он открыл её.

Первая страница: список подозреваемых. Восемь фамилий. Три вычеркнуты. Одна обведена красным.

— Кто же ты... — прошептал Сергей.

Свет мигнул. Компьютер издал странный звук — не писк, а низкий гул, будто где-то в глубине здания включился мощный трансформатор. Лампы замигали чаще.

Сергей поднял голову.

Стены кабинета пошли рябью. Буквально — как вода, в которую бросили камень. Бумаги на столе начали подниматься в воздух, медленно вращаясь. Часы на стене остановились. Стрелки замерли на 15:48.

— Что за...

Пол под ногами стал прозрачным. Сергей увидел под собой этажи, коридоры, людей — они двигались, но как в замедленной съёмке. А потом он увидел другое.

Москва. Но не та.

Деревянные бараки вместо высоток. Дым над горизонтом. Колонны грузовиков на улицах. И звук — далёкий, глухой, но несомненный. Артиллерия.

Гул нарастал. Сергей попытался шагнуть назад, но ноги не слушались. Папка в руках стала горячей. Он посмотрел на обведённую красным фамилию — и буквы поплыли, сложились в другое слово.

Его собственное имя.

Кравцов Сергей Иванович. 1907 года рождения. Лейтенант госбезопасности. Особый отдел НКВД Западного фронта.

— Нет, — выдохнул он. — Я не...

Свет взорвался белым.

Где-то. Когда-то. 22 июня 1941 года. 04:15.

Он открыл глаза.

Потолок был низкий, деревянный, с трещинами. Пахло керосином, пылью и чем-то ещё — железом и гарью. В углу мигал огонёк керосиновой лампы. За окном — далёкие всполохи, похожие на зарницы, только слишком ритмичные.

Сергей попытался сесть. Тело слушалось плохо, будто чужое. Руки — не его. Шире в плечах, грубее, с мозолями на ладонях. Он поднёс их к лицу.

Не его руки.

На стуле рядом лежала форма. Гимнастёрка с петлицами. Тёмно-синие, с двумя звёздочками. На столе — папка. Та самая. Дело №001.

И записка, написанная знакомым почерком — его собственным:

«Ты здесь не случайно. Найди предателя до 4 июля. Если не успеешь — история пойдёт не так. И на этот раз — навсегда.

P.S. Твоё имя теперь Сергей Иванович Кравцов. Лейтенант госбезопасности. Привыкай.

И не доверяй никому».

За окном гроыхнуло — близко, так что задребезжали стёкла. Где-то далеко, на западе, вставало солнце. Но свет его был красным.

22 июня 1941 года. Война началась.

Сергей Кравцов, историк из будущего, сделал первый вдох в прошлом.

И в этом вдохе была не только пыль и гарь. В нём была война.

Глава 1. Протокол №1

22 июня 1941 года. 04:40. Где-то под Москвой.

Первые минуты Сергей потратил на то, чтобы просто не сойти с ума.

Он сидел на краю железной койки, сжимая край одеяла, и методично, как учили в аспирантуре, перечислял факты. Факт первый: он не в своём теле. Факт второй: за окном — 1941 год, судя по записке и по форме. Факт третий: где-то на западе идёт война, и он слышит её отголоски даже здесь.

Факт четвёртый: он не знает, где именно находится.

Комната была маленькой — метров десять. Стол, стул, шкаф с документами, та самая койка. На стене — карта. Сергей подошёл, всмотрелся. Западный фронт. Красные карандашные пометки, стрелки, фамилии. Он знал эту карту. Видел её в архивах. Это — штаб Западного фронта, точнее, один из его узлов связи. Где-то в лесу, под Минском... или уже не под Минском.

Он вздрогнул. Если это 22 июня, то через несколько дней немцы будут здесь. А если он прав насчёт скорости наступления группы армий «Центр» — через неделю от этого места останутся только головешки.

На столе лежала папка. Дело №001. Он открыл её.

Внутри — несколько листов, отпечатанных на машинке. Донесения. Фамилии. Схема. И первый документ, который заставил его похолодеть:

«Совершенно секретно. Наркому внутренних дел СССР. Спецсообщение. По имеющимся данным, в штабе Западного фронта действует агент германской разведки, передающий сведения о дислокации и перемещении частей. Примите меры к розыску. Срок — до 4 июля 1941 года».

Срок. Тот самый срок из записки. У него двенадцать дней.

Дверь распахнулась без стука.

— Лейтенант! — На пороге стоял мужчина лет пятидесяти, в форме майора госбезопасности, с усталым, но цепким взглядом. — Почему не на связи? Тебя искали.

Сергей вскочил. Тело среагировало быстрее, чем разум — он вытянулся, руки по швам. Знания, впитанные из документов и мемуаров, включились сами.

— Товарищ майор, я...

— Молчать. — Майор подошёл вплотную, посмотрел в глаза. — Ты что, не слышал? Война. Немцы бомбят Киев, Минск, Севастополь. Связь с округами рвётся. А ты сидишь тут, как на курорте.

Сергей молчал. Он не знал, как себя вести. Не знал, что этот майор знает о нём, что о нём знают другие.

— Ладно. — Майор махнул рукой. — Некогда разбираться. Слушай приказ. — Он достал из планшета сложенный лист. — Ты назначен на должность оперуполномоченного особого отдела. Дело №001 — твоё. С этого момента ты отвечаешь за поиск предателя в штабе.

— Есть, — сказал Сергей. Голос прозвучал хрипло, но твёрдо.

— Не «есть», а «слушаюсь». — Майор поморщился. — Ты что, с луны свалился? Вчера нормальный был мужик.

Вчера. Значит, тело, в которое я попал, существовало до меня. И у него была биография. И характер. И, возможно, враги.

— Виноват, товарищ майор. Слушаюсь.

— То-то же. — Майор бросил папку на стол. — Вот вводные. Изучай. Через час жду у себя с докладом.

Он вышел, хлопнув дверью.

Сергей сел. Руки дрожали. Он посмотрел на папку, потом на карту, потом на свои новые руки.

— Так, — сказал он вслух. — Меня зовут Сергей Иванович Кравцов. Лейтенант госбезопасности. Я в 1941 году. У меня двенадцать дней, чтобы найти предателя в штабе Западного фронта. И если я этого не сделаю...

Он не договорил. За окном снова гроыхнуло — ближе, чем раньше. Где-то вдалеке завывала сирена. Потом вторая. Потом третья.

Воздушная тревога.

Сергей бросился к окну. Над лесом, низко, гудели самолёты. Не советские. Он знал эти силуэты по хроникам — «Хейнкели». Они шли на восток, к Москве. К городу, который ещё не знал, что через несколько месяцев будет на грани.

Дверь снова открылась. В коридоре бегали люди, кричали, кто-то тащил ящики с документами.

— Кравцов! — Это был уже знакомый майор. — Чего стоишь? Эвакуация! Документы — в машины. Живо!

Сергей схватил папку. Выбежал в коридор. Вокруг — паника, но не хаос. Люди в форме действовали быстро, чётко, как будто репетировали это годами. А может, и репетировали.

— Кравцов! — Майор перехватил его за локоть, отвёл в сторону. — Слушай сюда. Обстановка — хуже некуда. Связь с фронтом почти потеряна. Мы уходим на восток, в Могилёв. Там будет новый узел. Но у нас есть проблема.

— Какая?

— Из штаба пропали двое. Капитан Волошин и старший лейтенант Гринько. Оба — из оперативного отдела. Оба имели доступ к картам перемещения войск. И оба исчезли сегодня ночью.

Сергей почувствовал, как по спине пробежал холодок.

— Дезертиры?

— Или агенты. — Майор посмотрел ему прямо в глаза. — Ты понимаешь, что это значит? Если они ушли к немцам, у противника уже есть наши планы. А если это кто-то другой, то он всё ещё здесь. В колонне.

Он кивнул на колонну грузовиков и повозок, которая уже выстраивалась на лесной дороге. Люди, документы, оборудование. И среди них — предатель.

— Твоя задача, — продолжил майор. — Не потерять его. Не дать уйти. И найти. Любой ценой.

— Товарищ майор. — Сергей сделал шаг вперёд. — Разрешите вопрос.

— Ну?

— Кто ещё знает о задании?

Майор прищурился.

— А что?

— Если предатель в колонне, он уже знает, что его ищут. И будет действовать. Нам нужно понять, кто именно знает о поиске.

Майор молчал несколько секунд. Потом усмехнулся — уголком губ, без тепла.

— А ты не так прост, лейтенант. — Он оглянулся. — О задании знают трое: я, ты и начальник особого отдела. И ещё Москва. Но Москва далеко.

— Значит, утечка возможна здесь.

— Возможна. — Майор кивнул. — Поэтому работай тихо. Никому не доверяй. Даже мне. Он развернулся и пошёл к машинам.

Сергей остался стоять на краю дороги. Мимо проходили люди, грузовики, повозки. Где-то плакала женщина. Кто-то отдавал команды. Над лесом всё ещё гудели самолёты.

Он открыл папку, нашёл список подозреваемых. Восемь фамилий. Две уже вычеркнуты — видимо, те, кто исчез. Осталось шесть.

И среди них — предатель.

Сергей закрыл папку, засунул её за пазуху и пошёл к колонне. Война только начиналась. Но для него она уже шла.

Глава 2. Особый отдел

22 июня 1941 года. 06:20. Лесная дорога под Минском.

Колонна растянулась на километр. Грузовики, повозки, штабные автобусы, снова грузовики. Люди шли пешком вдоль обочин — кто с чемоданом, кто с винтовкой, кто просто с пустыми руками. Над головой всё ещё гудели самолёты, но уже дальше, восточнее. Немцы шли на Москву.

Сергей шагал рядом с грузовиком, в кузове которого лежали ящики с документами. В руке — папка. За пазухой — второй экземпляр списка подозреваемых, переписанный от руки. Он не доверял даже бумаге, которую мог кто-то подменить.

— Лейтенант! — окликнули сзади.

Сергей обернулся. К нему шёл мужчина лет сорока, в форме капитана госбезопасности, с усталым лицом и внимательными глазами. Он хромал — левая нога, старая рана, судя по походке.

— Кравцов? — Капитан протянул руку. — Гринько. Пётр Аркадьевич. Теперь работаем вместе.

Сергей пожал руку. Ладонь была сухой и жёсткой.

— Сергей.

— Знаю. — Гринько кивнул. — Наслышан. Говорят, ты вчера носом клевал на совещании, а сегодня уже дело ведёшь. Быстро растёшь.

Вот оно. Тело, в которое я попал, имело репутацию. И не самую лучшую.

— Обстоятельства, — коротко ответил Сергей.

— Обстоятельства, — эхом повторил Гринько. — Это верно. Война всё меняет. — Он понизил голос. — Слушай сюда. Майор сказал, что ты теперь за дело №001 отвечаешь. Это правда?

— Правда.

— Тогда вот что. — Гринько оглянулся, убедился, что рядом никого нет. — Я тебе не начальник. Я твой наставник. Так решили в Москве. У меня двадцать лет в органах. Ты — зелёный. Без меня ты утонешь.

— Понял.

— Не перебивай. — Гринько поморщился. — Первое: в штабе шесть человек, которые имели доступ к картам. Я, Волошин — тот, что пропал, — Гринько сделал паузу, — Свиридов, Кира, Березин и Шульц. Все — оперативный отдел. Все знали о перемещениях. Волошин исчез. Осталось пятеро.

Сергей кивнул. Он уже видел эти фамилии в папке.

— Второе: — продолжил Гринько. — Никому не верить. Ни мне, ни Свиридову, ни Кире. Особенно Кире. Она связистка, у неё доступ ко всему. И она красивая. Это опасно.

— Я не...

— Не перебивай. — Гринько усмехнулся. — Третье: если что-то найдёшь — сначала мне. Потом — майору. И никому больше. Ясно?

— Ясно.

— Хорошо. — Гринько хлопнул его по плечу. — Пойдём. Познакомлю с остальными.

Они нашли их у штабного автобуса. Трое офицеров стояли вокруг разложенной на капоте карты. Спорили.

— ...говорю вам, немцы обходят Минск с юга! — Это был высокий, подтянутый капитан лет тридцати, с резкими чертами лица и злым взглядом. — Если мы не перебросим части сейчас, будет окружение!

— Свиридов, — тихо сказал Гринько. — Тот самый. Умный, резкий, амбициозный. И, возможно, предатель.

Сергей посмотрел на Свиридова. Тот как раз поднял голову — и их взгляды встретились. Свиридов прищурился, кивнул едва заметно. Сергей кивнул в ответ.

Рядом со Свиридовым стоял мужчина лет пятидесяти, в форме полковника. Седой, с усталыми глазами. Он молчал, слушал.

— Полковник Березин, — продолжил Гринько. — Начальник оперативного отдела. Формально — мой начальник. Фактически — устал от всего. Но не дурак.

Третий был молодой лейтенант с белобрысыми волосами и нервным лицом. Он то и дело оглядывался на дорогу, будто ждал, что оттуда вот-вот появятся немцы.

— Шульц. Немец по национальности, но наш. Из поволжских. Служит с тридцать девятого. Тихий, исполнительный. Слишком тихий.

— Почему вы мне это рассказываете? — спросил Сергей. — Про них?

— Потому что ты должен знать, с кем работаешь. — Гринько посмотрел на него. — И потому что один из них — враг.

Они подошли. Свиридов выпрямился, посмотрел на Сергея с холодным интересом.

— Новенький? — спросил он.

— Лейтенант Кравцов, — представился Сергей. — Особый отдел.

— Слышал. — Свиридов скрестил руки. — Дело №001. Предатель в штабе. — Он усмехнулся. — И ты думаешь, что найдёшь его?

— Думаю, найду.

— Оптимист. — Свиридов покачал головой. — Здесь все оптимисты. До первого допроса.

— Свиридов, — вмешался Березин. — Оставь. — Он посмотрел на Сергея. — Лейтенант, вы из особого отдела. У вас свои задачи. У нас — свои. Не мешайте.

— Я не собираюсь мешать, товарищ полковник. — Сергей выдержал взгляд. — Я собираюсь работать.

Березин кивнул. Медленно, без эмоций.

— Тогда работайте.

Он отвернулся к карте. Свиридов ещё секунду смотрел на Сергея, потом тоже вернулся к карте. Шульц бросил на него быстрый взгляд — и снова уставился на дорогу.

Сергей отошёл в сторону. Гринько — за ним.

— Ну, — сказал капитан. — Вот и познакомились.

— Кира? — спросил Сергей. — Где она?

— В радиной машине. — Гринько кивнул на грузовик с антеннами в конце колонны. — Но я бы на твоём месте не спешил.

— Почему?

— Потому что Кира — это отдельная история. — Гринько понизил голос до шёпота. — Она знает больше, чем говорит. И, возможно, больше, чем должна.

Сергей посмотрел на радииную машину. Из кузова выглянула девушка — светлые волосы, пилотка, быстрый взгляд. Она посмотрела на него — и улыбнулась.

Улыбка была тёплой. И в то же время — изучающей.

— Вот она, — сказал Гринько. — Кира Соловьёва. Старший лейтенант. Связистка. Одна из лучших в округе.

— И подозреваемая.

— И подозреваемая. — Гринько кивнул. — Добро пожаловать в особый отдел, лейтенант. Правила простые: никому не верить. Ни мне, ни ей, ни Свиридову. И особенно — себе.

— Себе?

— Себе — в первую очередь. — Гринько посмотрел ему прямо в глаза. — Потому что в этой игре самый опасный враг — тот, кто сидит внутри тебя. Сомнения. Страх. Жалость. Всё это — оружие против тебя. Запомни.

Он развернулся и пошёл к голове колонны.

Сергей остался стоять. Мимо шли люди, ехали машины. Где-то вдали снова гроыхнуло. Война приближалась.

Он открыл папку, нашёл список. Шесть фамилий. Пять — живых. Один — предатель.

И, возможно, не один.

Он посмотрел на радионую машину. Кира всё ещё смотрела на него. Улыбалась.

Сергей закрыл папку и пошёл к ней.

Пора начинать.

Глава 3. Дело №001

22 июня 1941 года. 07:45. Лесная дорога под Минском.

Радийная машина стояла в хвосте колонны — грузовик с брезентовым верхом, антенна на крыше, катушки с проводами на борту. Кира спрыгнула на землю, когда Сергей подошёл.

— Лейтенант Кравцов, — сказала она, не дожидаясь представления. — Особый отдел. Наслышана.

— От кого?

— От всех. — Она улыбнулась. — В штабе не так много людей, чтобы не знать новостей. Тем более таких.

— Каких?

— Что вы взяли дело №001. — Кира посерьёзнела. — Это опасное дело, лейтенант.

— Знаю.

— Не думаю, что знаете. — Она посмотрела на дорогу, потом снова на него. — Предатель — не просто человек с рацией. Это кто-то, кто сидит рядом. Ест с нами. Спит в соседней палатке. Смеётся над нашими шутками. И в то же время — убивает нас.

— Вы знаете, кто это?

— Если бы знала, вас бы здесь не было. — Она покачала головой. — Но я знаю другое. Утечка началась не вчера.

Сергей насторожился.

— Что вы имеете в виду?

— Первые странности были ещё до войны. — Кира понизила голос. — В мае. Немцы словно читали наши приказы. Части перебрасывали — их встречали. Склады перемещали — их бомбили. Тогда списали на случайность. Теперь — не списывают.

— Почему вы мне это рассказываете?

— Потому что вы новый человек. — Она прямо посмотрела ему в глаза. — И потому что я хочу, чтобы вы нашли его. До того, как он найдёт вас.

Сергей молчал. В её словах была логика. И была опасность. Гринько предупреждал: не верить. Особенно — ей.

— Спасибо, — сказал он. — Я учту.

— Учтите. — Кира кивнула. — И ещё одно. Вчера ночью, перед исчезновением, Волошин приходил ко мне. Спрашивал про шифры. Про старые, которые мы уже не используем.

— Зачем?

— Не сказал. Но был напуган. Очень напуган.

Она отвернулась и забралась обратно в кузов. Сергей постоял секунду, потом пошёл к штабному автобусу — искать место, где можно спокойно изучить материалы дела.

Он нашёл пустой грузовик с ящиками. Забрался в кузов, сел на ящик, открыл папку.

Дело №001. Двадцать три листа. Он начал читать.

Лист первый: спецсообщение из Москвы. Дата — 20 июня. То есть за два дня до войны. Уже тогда в Москве знали, что в штабе Западного фронта действует агент.

Лист второй: список подозреваемых. Восемь фамилий. Напротив каждой — краткая характеристика.

Полковник Березин Александр Николаевич. Начальник оперативного отдела. 1898 г.р. В РККА с 1918. Член ВКП(б) с 1919. Доступ к оперативным картам — полный. Характеристика: опытный, хладнокровный, замкнутый.

Капитан Гринько Пётр Аркадьевич. Старший оперуполномоченный особого отдела. 1901 г.р. В органах с 1921. Доступ к оперативным картам — частичный. Характеристика: жёсткий, принципиальный, недоверчивый.

Капитан Свиридов Игорь Валентинович. Помощник начальника оперативного отдела. 1910 г.р. В РККА с 1932. Доступ к оперативным картам — полный. Характеристика: амбициозный, резкий, конфликтный.

Старший лейтенант Соловьёва Кира Дмитриевна. Начальник радиосвязи штаба. 1918 г.р. В РККА с 1938. Доступ к оперативным картам — через шифровки. Характеристика: умная, скрытная, наблюдательная.

Лейтенант Шульц Виктор Робертович. Помощник начальника оперативного отдела. 1915 г.р. В РККА с 1939. Доступ к оперативным картам — частичный. Характеристика: тихий, исполнительный, замкнутый.

Капитан Волошин Андрей Петрович. Начальник связи штаба. 1903 г.р. В РККА с 1925. Доступ к оперативным картам — полный. Характеристика: пропал без вести 22 июня. Подозревается в дезертирстве.

Старший лейтенант Гринько Михаил Петрович. Помощник начальника оперативного отдела. 1912 г.р. В РККА с 1934. Доступ к оперативным картам — полный. Характеристика: пропал без вести 22 июня. Подозревается в дезертирстве.

Сергей перечитал последние две строки. Волошин и Гринько-младший. Оба исчезли в ночь на 22 июня. Оба имели полный доступ к картам.

Слишком очевидно. Если бы я был предателем, я бы не бежал в первую же ночь. Я бы остался. Продолжал работать. Продолжал передавать данные.

Он перевернул страницу. Лист третий: первые улики.

Перехват немецкой радиосвязи от 18 июня. Шифровка. Частично расшифрована: «...координаты квадрата 14-8... подтверждаю... источник надёжен...»

Перехват от 19 июня: «...источник сообщает о переброске 3-й танковой дивизии...»

Перехват от 20 июня: «...источник подтверждает... удар будет нанесён...»

Сергей отложил лист. Перехваты. Значит, немцы работали на той же волне, что и наши. Или — использовали ту же частоту. Он знал из истории, что в первые дни войны была неразбериха со связью. Немцы этим пользовались.

Но было кое-что ещё. Он вернулся к перехватам. Дата — 18 июня. Тогда штаб Западного фронта ещё не был переведён в полевые условия. Значит, утечка шла из Минска. Из стационарного штаба.

Он нашёл следующую страницу. Лист четвёртый: показания свидетелей.

«...видел, как капитан Волошин выходил из радиорубки ночью 19 июня. Был взволнован...»

«...слышал, как старший лейтенант Гринько говорил по телефону на немецком языке. Возможно, это была проверка связи...»

«...видел, как полковник Березин сжигал какие-то бумаги в печи 20 июня...»

Сергей нахмурился. Показания противоречили друг другу. Волошин выходил из радиорубки — но он и должен был там быть, он начальник связи. Гринько говорил на немецком — но он мог проверять связь, он же помощник начальника оперативного отдела. Березин сжигал бумаги — но, возможно, это были старые документы.

Слишком много «но». Слишком много объяснений. Улики не складываются в картину. Они специально разбросаны. Кто-то создаёт шум.

Он перевернул страницу. Лист пятый: схема.

На схеме были изображены связи между сотрудниками штаба. Стрелки, линии, пометки. Сергей всмотрелся.

Волошин был связан с Кирой — через радиосвязь. Гринько-младший — со Свиридовым — через оперативные документы. Березин — со всеми — как начальник. Шульц — с Волошиным — через связь. Кира — со всеми — через шифровки.

И одна линия, которая не вписывалась. От Волошина к Шульцу. Пунктирная. Неподтверждённая.

Сергей вспомнил слова Киры: Волошин приходил к ней ночью, спрашивал про старые шифры. Был напуган.

Если Волошин был предателем — зачем ему старые шифры? Если он хотел сбежать — он бы просто ушёл. Но он приходил к Кире. Значит, он что-то знал. И хотел передать.

Он закрыл папку. В голове было слишком много вопросов.

Первое противоречие: улики указывают на Волошина, но его поведение перед исчезновением не похоже на поведение предателя. Он не бежал — он искал помощи.

Второе противоречие: перехваты датированы 18-20 июня. Штаб тогда был в Минске. Но утечка продолжается. Значит, предатель — не Волошин. Или — не только Волошин.

Третье: кто-то создаёт ложные следы. Сжигает бумаги. Говорит по-немецки. Выходит, ночью из радиорубки. Это — не предатель. Это — тот, кто хочет, чтобы мы думали на других.

Он выбрался из грузовика. Колонна уже начала движение. Где-то впереди майор что-то кричал. Сергей пошёл к штабному автобусу.

По дороге он столкнулся со Свиридовым. Тот шёл быстро, с папкой под мышкой. Увидев Сергея, остановился.

— Лейтенант. — Свиридов прищурился. — Изучаете дело?

— Изучаю.

— И что? — Свиридов усмехнулся. — Нашли предателя?

— Нет. Но нашёл кое-что другое.

— Что именно?

Сергей посмотрел ему прямо в глаза.

— Что кто-то очень хочет, чтобы я нашёл не того.

Свиридов молчал секунду. Потом кивнул.

— Умно. — Он понизил голос. — Тогда совет: посмотри на тех, кто был в штабе до войны. Не на тех, кто пришёл недавно. На тех, кто был всегда.

Он пошёл дальше, не оборачиваясь.

Сергей смотрел ему вслед.

Посмотри на тех, кто был в штабе до войны.

Он открыл папку. Список подозреваемых. Восемь фамилий. Три — вычеркнуты. Пять — осталось.

И среди них — тот, кто был в штабе с самого начала.

Он захлопнул папку. Впереди колонна сворачивала на восток. Война шла за ними.

Глава 4. Штаб. Первый контакт

22 июня 1941 года. 14:30. Могилёв. Новый узел связи штаба Западного фронта.

Могилёв встретил их дымом.

Город ещё не бомбили — но горело на востоке, за рекой. Немцы шли широким фронтом, и было видно, что они не собираются останавливаться. Колонна штаба втянулась в город по единственной уцелевшей дороге — мимо разбитого вокзала, мимо домов с выбитыми окнами, мимо людей, которые стояли у обочин с узлами и молча смотрели на военных.

Сергей ехал в кузове грузовика, рядом с ящиками документов. Папка — за пазухой. Рука — на кобуре. Он не знал, зачем ему оружие. Но тело знало — и не отпускало.

Новый штаб разместился в здании школы на окраине. Двухэтажное, кирпичное, с широкими окнами. Во дворе — машины, мотоциклы, связные. Внутри — гул голосов, стук машинки, звонки телефонов. Штаб работал.

Сергей спрыгнул с грузовика. К нему сразу подошёл Гринько.

— Приехали, — сказал он. — Твоя комната — на втором этаже, бывший кабинет директора. Рядом — узел связи. Напротив — оперативный отдел.

— Понял.

— И ещё. — Гринько понизил голос. — Майор ждёт доклад через час. Но сначала — осмотришься. Поговори с людьми. Не как следователь — как свой. Пусть привыкнут к тебе.

— А если кто-то не захочет привыкать?

— Тогда это будет первый подозреваемый. — Гринько усмехнулся и ушёл.

Сергей поднялся на второй этаж. Коридор был забит людьми — кто-то тащил коробки, кто-то разматывал провод, кто-то просто стоял у стены и курил. Пахло пылью, потом и машинным маслом.

Его кабинет оказался маленькой комнатой с одним окном, столом и сейфом. На столе — телефон. На стене — карта. В углу — вещмешок, который он не брал. Видимо, тело, в которое он попал, уже успело обзавестись имуществом.

Он закрыл дверь, сел за стол. Достал папку. Перечитал список подозреваемых. Потом отложил.

Слишком мало информации. Нужно смотреть на людей. Слушать. Запоминать.

Он вышел в коридор — и сразу наткнулся на полковника Березина. Тот стоял у окна, смотрел на улицу. В руке — папироса. Дым шёл вверх, к потолку.

— Товарищ полковник, — сказал Сергей.

Березин обернулся. Медленно. Посмотрел на него — тем же взглядом, что и утром. Усталым, но цепким.

— Лейтенант. — Он затянулся. — Осваиваетесь?

— Так точно.

— Хорошо. — Березин снова отвернулся к окну. — Война — это не только фронт. Это ещё и тыл. И в тылу — свои фронты. Вы это понимаете?

— Понимаю.

— Тогда вот что. — Березин помолчал. — Я знаю, зачем вы здесь. Предатель. Дело №001. — Он повернулся. — Я не буду вам мешать. Но и помогать не буду. Если вы найдёте его — хорошо. Если нет — тоже ничего не изменится. Война спишет.

— Вы так думаете?

— Я думаю, что вы — молодой. — Березин посмотрел ему прямо в глаза. — И я думаю, что вы не понимаете, во что ввязались. Предатель — это не тот, кто передаёт бумаги. Это тот, кто сидит рядом. И вы даже не заметите, как он улыбнётся вам в лицо.

Он бросил папиросу в урну и пошёл по коридору.

Сергей смотрел ему вслед.

Первое впечатление: не тот. Слишком открыто говорит о предателе. Слишком спокоен. Но... он был в штабе до войны. Он знает всех. И он — начальник оперативного отдела. У него полный доступ.

Второе впечатление: он не боится. А если человек не боится — значит, либо он чист, либо он уверен, что его не найдут.

Сергей пошёл дальше по коридору. Узел связи был в конце — широкая комната с аппаратами, проводами и людьми. Кира стояла у радиопультов, что-то диктовала. Увидев Сергея, она улыбнулась.

— Лейтенант. — Она кивнула. — Пришли посмотреть, как работает настоящая связь?

— Пришёл посмотреть, как работают люди.

— Это одно и то же. — Кира отвернулась к аппарату, что-то переключила. — Мы здесь все — связь. Штаб без нас — просто люди с картами.

— Вы давно здесь?

— С тридцать восьмого. — Она посмотрела на него. — А что?

— Просто спрашиваю.

— Просто спрашиваете, — повторила она. — Лейтенант, вы не умеете просто спрашивать. Вы либо ищете, либо проверяете. Что именно?

Сергей не ответил. Вместо этого он посмотрел на радиопульты. На них лежали журналы связи. Он взял один — и Кира напряглась.

— Это служебные документы.

— Я знаю. — Он открыл журнал. — Я из особого отдела. У меня доступ.

Кира смотрела на него. Улыбка исчезла.

— Хорошо. — Она скрестила руки. — Смотрите. Но помните: я предупреждала.

— О чём?

— О том, что предатель — не тот, кого вы ищете. — Она понизила голос. — И о том, что вы можете найти не того.

Сергей листал журнал. Записи, даты, позывные. Всё стандартно. Но на одной из страниц он заметил странность — запись от 20 июня, сделанная другой рукой. Неровный почерк, будто человек писал в спешке.

«Передал в 03:40. Подтверждение получил. Выхожу на связь завтра в это же время».

Он посмотрел на Киру.

— Кто это писал?

Кира заглянула в журнал. Потом подняла на него глаза.

— Волошин, — сказала она. — Но это не его почерк.

Сергей нахмурился.

— Что вы имеете в виду?

— Я имею в виду, что запись сделана не рукой Волошина. — Кира смотрела прямо на него. — Я знаю его почерк. Это — не он.

В комнате стало тихо. Даже аппараты, казалось, замолчали.

— Тогда кто?

— Не знаю. — Кира покачала головой. — Но я видела эту запись раньше. И тогда я не придавала ей значения. А теперь...

— Что теперь?

— Теперь я думаю, что Волошин не убежал. — Она понизила голос до шёпота. — Теперь я думаю, что его убрали. И подставили.

Сергей закрыл журнал. Положил на место.

Вот оно. Первое противоречие превращается в версию. Волошин — не предатель. Он — жертва. Или — он был свидетелем. И его убрали, чтобы он не заговорил.

Но кто?

Он посмотрел на Киру. Она смотрела на него. Спокойно. Без страха.

— Вы знаете больше, чем говорите, — сказал он.

— Я знаю ровно столько, сколько нужно, чтобы остаться живой. — Кира отвернулась к аппарату. — А вы, лейтенант, знаете ровно столько, чтобы вас убили. Если будете совать нос куда не следует.

— Это угроза?

— Это предупреждение. — Она включила аппарат, и комната наполнилась треском и шумом. — Идите. У вас есть дело. И у меня есть работа.

Сергей вышел из узла связи.

В коридоре было тихо. Слишком тихо. Он посмотрел налево — пусто. Направо — пусто. Но ощущение было, что за ним наблюдают.

Он пошёл к своему кабинету. И по дороге заметил то, что заставило его остановиться.

Дверь в комнату напротив его кабинета была приоткрыта. Он заглянул внутрь.

Там сидел человек. Молодой, в форме лейтенанта, с белобрысыми волосами. Шульц. Он смотрел в стену. Просто смотрел. И не двигался.

Сергей хотел окликнуть его — но не стал. Он просто закрыл дверь и пошёл дальше.

Здесь что-то не так. Не только предатель. Что-то ещё. Что-то, что я пока не могу понять.

Он зашёл в свой кабинет, закрыл дверь, сел за стол.

За окном снова гроыхнуло. Ближе, чем раньше.

Война шла. И она не ждала.

Глава 5. Допрос с пристрастием

22 июня 1941 года. 16:10. Могилёв. Штаб Западного фронта.

Писаря звали Ефим Гурьянов. Тридцать два года, старший сержант, служил в штабе с тридцать девятого. Тихий, незаметный, с вечно испуганными глазами. Именно такие люди, по опыту Сергея, либо невиновны до мозга костей, либо виновны так, что никто никогда не догадается.

Гурьянов сидел на табурете в маленькой комнате на первом этаже — бывшей учительской. Перед ним стоял стол, за столом — Сергей. В углу — Гринько, молча, руки за спиной.

— Гурьянов, — начал Сергей. — Вы вели документацию оперативного отдела?

— Так точно, товарищ лейтенант. — Голос писаря дрожал. — Журналы, приказы, сводки...

— Кто имел доступ к этим документам?

— Все. — Гурьянов пожал плечами. — Ну, то есть офицеры. Я не следил, кто берёт. Мне что сказали — то я и делал.

— А карты? — Сергей положил на стол лист из папки. — Оперативные карты с дислокацией частей. Кто мог их видеть?

— Тоже все. — Писарь сглотнул. — Они на столе у полковника Березина лежали. Или у капитана Свиридова. Или у Волошина. Я не знаю...

— Где вы были в ночь на 22 июня?

— В казарме. Спал. — Гурьянов закивал. — Честное слово, спал. Меня разбудили, когда тревогу объявили.

— Кто-нибудь может подтвердить?

— Все. Все спали. Я никуда не выходил.

Сергей посмотрел на Гринько. Тот едва заметно покачал головой. Мол, пустой номер.

Но что-то в писаря царапало. Что-то в его глазах. Слишком быстро он отвечал. Слишком гладко.

— Гурьянов, — Сергей наклонился вперёд. — Вы знали капитана Волошина?

— Знал. — Писарь кивнул. — Хороший был человек.

— Был?

— Ну... — Гурьянов замялся. — Он же пропал.

— Он вам что-нибудь говорил? В последние дни?

— Нет. Ничего.

— А записку не передавал? Может, просил что-то сохранить?

Гурьянов молчал. Слишком долго. Сергей заметил, как у него дёрнулась жилка на шее.

— Не передавал, — сказал писарь. — Ничего он не передавал.

— Хорошо. — Сергей откинулся на стуле. — Свободны.

Гурьянов встал, торопливо вышел. Дверь закрылась.

— Пусто, — сказал Гринько. — Он не предатель.

— Возможно. — Сергей смотрел на дверь. — Но он что-то знает. И боится.

— Все боятся. Война.

— Не так. — Сергей покачал головой. — Он боится не войны. Он боится меня. Или того, что я могу найти.

Гринько хмыкнул.

— И что теперь?

— Проверю его алиби. Ещё раз. И проверю, что он делал вчера. До того, как Волошин исчез.

Алиби Гурьянова рассыпалось через час.

Сергей обошёл казарму, поговорил с бойцами. Никто не помнил, спал ли писарь в ночь на 22-е. Все спали. Но один солдат — молодой, с перевязанной рукой — сказал, что видел Гурьянова у штаба. Около двух ночи. Тот шёл от здания к лесу. Один.

Сергей вернулся в учительскую. Гурьянова привели снова. Он побледнел, когда увидел лицо Сергея.

— Вы сказали, что спали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.